

С. ГОЛОВАНЕНКО

<Рец. на кн.:> С. Булгаков. *Философия хозяйства*. Ч. I: Мир как хозяйство

М.: Книгоизд. «Путь», 1912 г.

«Философия хозяйства» С. Н. Булгакова родственна «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова. Эта родственность чувствуется не только в радостном вопросе-восклицании: «Смерть, где твое жало!», но и в отдельных, почти одинаковых *тонах* этого вопроса. И не только самый вопрос, но и смысл ответа почти один и тот же: осанна *всякой* жизни, отгоняющей призрака смерти: вечной смерти нет. Однако в благословении *всякой* жизни может крыться разное. В «Философии общего дела» страх смерти внутренне побеждается каким-то захватывающим, еще не прояснившимся жизненным *настроением*.

В «Философии хозяйства» нет этой непосредственности, жизненное настроение и прояснено, и расстроено логическими схемами. И все-таки «Философия хозяйства» как бы нарочный ответ на недоумения, вызываемые философией Федорова. Эти недоумения можно свести к двум вопросам. Каково взаимоотношение Церкви Небесной (Триединство, как догмат-заповедь) и Церкви Земной (Триединство, как исполнение заповеди)? Какова структура знания-действия?

В «Философии хозяйства» это проблема трансцендентного (метафизика) и проблема знания (гносеология) — как раз те проблемы, которые вводят нас в сутолоку современной философской мысли.

Философия С. Н. Булгакова — «Философия *хозяйства*» в двойном смысле: метафизическом и гносеологическом.

1. Хозяйство, взятое в чисто метафизическом аспекте — основания бытия, жизнь; взятое в эмпирическом аспекте —живание. Философия хозяйства, следовательно, — философия жиз-

ни и оживания. Как таковая — она должна ответить на первый недоуменный вопрос философии Федорова. — 2. Хозяйство — факт политической экономии. Построение на этом факте теории знания и придает философии С. Н. Булгакова узкий смысл философии хозяйства. Как таковая она должна выяснить логическую структуру жизненного знания. Забегая вперед, укажем на общий недочет философии хозяйства. Глубокая жажда мирового единства сделала нечутким к разъединению, к разнохарактерности членов единства, к разно-семянности жизни. Отсюда — внешнее объединение качественно разных порядков: смешение жизни и оживания. Отсюда — близорукость: при безверии в научную мысль доверчивость факту хозяйства, — доверчивость к одной из форм той же научной мысли.

ПРОБЛЕМА ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО

Философия хозяйства как метафизика, — форма философии тождества Шеллинга–Соловьева. Хозяйство — жизнь. Жизнь — соотношение логического и алогического, идеал-реального, и вместе с тем она сверхлогична в их тождестве. Особенно ценен момент тождества, сверхлогичности, но он недостаточно выяснен. Это скорее какой-то намек, неясная кайма. Действительно, здесь путается, как бы обрываясь, наша обычная мысль. Мы должны или отдаться гностицизму, или утонуть в неясности переживаний, или же осознать многозначную ценность догмата. Забвение идеи догмата превращает в конце концов всякую философию тождества в философию количественного равенства. В философии хозяйства чувствуется мучительная неустойчивость: временами идея догмата совсем забывается, жизнь (трансцендентное) смешивается с оживанием (имманентное), и тогда «Философия хозяйства» сливается с обычной философией жизни и особенно с философией Бергсона¹.

У Федорова нет идеи трансцендентного: Триединство как заповедь вплотную подходило к земному — будущему триединству. Булгаков с принятием трансцендентного естественного должен был установить ступени в отношениях мира Горнего и Земного. Проблема трансцендентного разрешается в учении о Софии. София — источник жизни и хаокомос, фило-София. Откуда хаос и лишение, родящие любовь? Какова иерархия жизни? Всякая жизнь — софийна: софийно хозяйство. Но хозяйство — функция смерти. Значит ли это, что София смертна, что в ней — вина грехопадения? И опять мучительная неустой-

чивость. Порою кажется, что забвение догмата ведет к неприязни тайны свободы, скрывающей смысл антиномий. И тогда антиномии в «Философии хозяйства» превращаются в явные противоречия, или же внешне объединяются — здоровые, болезненные и больные члены мирового целого. Тогда происходит смешение: смешиваются не только София и Мировая Душа, но София и Адам, София и трансцендентальный субъект. То же самое смешение в чисто логической форме мы видим в обрисовке характера идеал-реального. Порою расплывается сверхлогичное и остается двойство логически-алогичного, как у Бергсона (память и материя) и Федорова (сознание и бессознательное). Логическое как таковое исчерпывает всю действительность. Что это значит? Для С. Н. Булгакова ложь научного рационализма Когена — только в том, что гносеология уравнивается с онтологией. Во всем остальном, очевидно, с Когеном можно согласиться. Значит, возможна чистая логика, всевещающая форма. Значит, логика научного разума почти покрывает логику бытия: нужно лишь что-то прибавить к логическому ряду, а не внутренне усмирив — преобразовать его. И вдруг встречается другой ряд мыслей, что научный разум — искажение Логоса, он — убийца жизни, он — вне истины. Что за этим, как не тот же вопрос: смертна ли София? И тут невольные следы увлечения С. Н. Булгакова всяким единством, увлечением принципом широким, но пустым: во всем — все. Объем затмил содержание: принято за истину всякое целое.

Итак, учение о Софии как основании хозяйства не разрешает проблемы трансцендентного, в лучшем случае лишь углубляет ее постановку.

Неясности метафизики хозяйства перенесены на обычное, конкретное хозяйство. Сущность хозяйства в борьбе человеческого и природного, свободного и необходимого, органического и механического. Задача хозяйства — в защите и расширении жизни. Тут мы видим то же борющееся двуединство, как и у Федорова. Но у Федорова резкое разделение человека и природы, резкое утверждение *всеобщего* воскрешения. С. Н. Булгаков учением о Софии хочет сблизить человека и природу. Он почувствовал тайну рождения жизни и отсюда — он принимает лишь *частичное* воскрешение. Спрашивается, где начало тайны и в частности тайны рождения? Где предел воскрешению? Если Софийна природа, то отлично ли ее хозяйство от хозяйства личности? Пусть природа — софийна. Как отличить Софию и Логос? Что значит Логос вещей? Порою у С. Н. Булгакова прорывается, что прямой путь спасения — религиозный подвиг. Тогда в

чем непрямота, где ее грань, в чем ценность косвенного пути? Тут мы близки рационализму. Тайна рождения, хозяйство личности внешне отделяются С. Н. Булгаковым от остального хозяйства, и само хозяйство оказывается все-таки многообразным. Это особенно прозрачно в проблеме труда. У Федорова сознание характеризуется трудом, бессознательное же уравнивается с даровым. Для С. Н. Булгакова хозяйство — трудовая деятельность. Труд имеет универсальное, космическое значение. «Мир как хозяйство — это мир как объект труда, постольку и как продукт труда». Труд — новый космогонический фактор. Где труд — там жизнь, воскрешение, София. Где даровое — там смерть, хаос. Подобно Федорову, С. Н. Булгаков оставляет в тени третье, или внешнее, отделяет его. Это третье — дар Божий, благодатное. Заключается ли оно в «образе Божиим»? Тогда в чем «подобие»? Если в границах природы только природно-человеческое, то рассекается человек и сама природа. Опять мы возвращаемся к основному вопросу о явлениях Логоса и Софии. И отсюда — как разграничить: философию хозяйства, христианскую философию хозяйства и философию христианского хозяйства?... Смешение семян жизни приближает С. Н. Булгакова с другого края к тому же рационализму, с которым он ожесточенно борется. И «Философия хозяйства», как ни странно, все еще в тенетах чистой мысли, чистой гносеологии.

ПРОБЛЕМА ЗНАНИЯ

Проблема знания — второй недоуменный вопрос философии Федорова. Федорова мучил разлад между знанием и делом, учеными и неучеными. Жизненным настроением он победил эти муки. Но логическая структура голого, теоретического и делового знания осталась во мраке. Для Булгакова так же, как и для Федорова, — «хозяйство есть знание в действии, а знание есть хозяйство в идее». Хозяйство — хозяйство трансцендентального субъекта, софийно; — таково же знание. Всякое ли? Опять прежняя неясность. Научное знание вне истины и софийно — вот выражение невыясненной проблемы трансцендентного.

Наука — дробное знание, поэтому она — вне Истины. Где целое — там истина. Если в науке просвечивает целое, — она во Истине. Так болезненно было одиночество, что всякое сообщество, всякое целое принято за Истину. Между тем, вся новейшая философия хочет быть и величает себя философией целого,

философией системности. У Булгакова неотчетлив ни характер целого (трансцендентального субъекта), ни взаимоотношение частей. Отчего? Оттого, что неотчетлив и многозначен самый исход гносеологии: факт хозяйства. Что такое хозяйство, труд? Взаимопроникновение человека и природы, субъекта и объекта. В чем должно выражаться это взаимопроникновение? В очеловечении природы на основе тождества человека и природы, идеал-реального. Очеловечение и есть частичное воскрешение, путь к «организации мира как жизни и истины». Тайна рождения — предел воскрешению и не только предел, но и умаление самого воскрешения. Хозяйство — не деревенское хозяйство, не ткане-творение, не прямой путь собирания и воскрешения праха предков (Федоров). Хозяйство — городское хозяйство *над вещами*, одухотворение вещи. Если Булгаков и говорит о воскрешении, то не о воскрешении друзей и отцов своих — Лазарей, а о воскрешении одного полуведомого Лазаря — природы. Вместо оставшихся в дымке храмов-музеев в селах (Федоров) — фабрики в городах. Правда, творчество человека не исчерпывается частичным воскрешением, которое, по существу, как и у Федорова, лишь оформление извечно-данных элементов. В чем иное творчество, каково хозяйство личности — этот вопрос, как мы знаем, остается открытым. Как бы то ни было, в очеловечении — победа красоты, проблески райского хозяйства. Как это возможно? Через единство человека и природы, наличное в труде: — в потреблении и производстве. Откуда следует, что это единство — единство хозяйственного Логоса, порождение трансцендентального субъекта? Ниоткуда. Факт хозяйства, как всякий научный факт, сам по себе беззначен, если мысль обуяла гносеологическая прелесть. Как факт науки — обрывок жизни, так жизненны — хозяйство и труд. Если в науке видится — игра мысли, то почему в хозяйстве голая мысль должна видеть проактивно-деятельное, субъект-объективное отношение человека к миру? Как знание, так и хозяйство могут быть истолкованы механически. Труд, на основе «одноприродности я и не-я» можно объяснить торжеством их, но торжеством-равенством. Это сделано грубо и смело в популярной книге Богданова²: «Философия живого опыта». И для Богданова мир — хозяйство, в труде — мост между я и не-я. В основе же лежит закон сохранения энергии, не причащение мировой плоти, а перемещение элементов. В чем же дело? В гносеологическом исходе С. Н. Булгакова. Для Булгакова основной вопрос: что такое знание? Тайное решение выносится метафизикой. Это скрывается. Отсюда — запутанность. Для Булгакова ориентирование на фак-

те науки — страшное заблуждение. Спасение усматривается в ориентировании гносеологии на факте хозяйства. В том и другом случае ясная вера в чистую данность, в чистое «что» знания. Нужно лишь избрать это «что». Свобода личности — свобода выбора, хотя все равно, все дороги — в Рим. Тут несомненно — господство объекта, природы. И в этом разрушительная недосказанность. Если все во всем, то к чему клеймить научное знание, научную философию? Откуда в ряду с Истиной измельчающий знание релятивизм? Забвение идеи догмата и антиномий — причина явных противоречий. Ведь решительно всякая философия давности, будет ли это опыт, мысль, хозяйство, наука — исключает свободу, личное. У Булгакова свобода — почти свобода выбора. Между тем, в этой свободе и скрыто зерно истинной постановки гносеологической проблемы. Исход — в живой личности. И первый вопрос — чем должно быть знание? В нем живет неминуемая антиномия: личность или вещь? Лишь здесь утверждается свобода творчества и свобода приятия. Лишь в идее догмата, претворяясь, получают правильное освещение идея-метод Когена и трансцендентальное долженствование Риккерта.

Для Булгакова наука все-таки софийна. Она софийна только потому, что оправдана долженствующим быть. Почему так же не отнести к хозяйству? Оно как данность — многозначно. Хозяйство на основе тождества, софийность хозяйства, приемлемы, но так же, как и софийность науки: если поставлена заповедь — хозяйство *должно быть* воскрешением.

Вера в объект, выразившаяся в гносеологическом исходе, — вскрывает логическую структуру знания. Истинное и ложное знание разнятся по точкам зрения, а не по объектам. Это лишь неправильно-наложенные, по существу одинаковые формы, потому что все дороги ведут в Рим. Позабывается, что жизнь семянна, что у каждого семени свой цветок, своя форма. Формы одинаковы, если мир — мир вещей, если логика — неорганическая логика. Но Булгаков резко отделяет Логос от научного разума. Это отделение, при наличности слияния их в метафизических туманностях, — опять-таки лишь углубляет, а не разрешает второй недоуменный вопрос философии Федорова.

Впрочем, все недоумения втайне касаются больше аксиологии и эсхатологии хозяйства: может быть, вторая часть «Философии хозяйства» прояснит первую. В первой же части пока — нечто внутренне-колеблющееся, какое-то борение. И вместе с тем нет логически-должного признания антиномичности жизни и знания; а лишь — намеки. В этих намеках — прозрение исти-

ны. Их можно не заметить, и тогда «Философия хозяйства» станет хаосом, тогда С. Н. Булгакова понапрасну можно обвинить во всех грехах релятивизма и прагматизма. Это сделал в своей критической статье Алексеев (Аскольдов *). Он не уловил души «Философии хозяйства», и тело ее — распалось.

Мы рассматривали «Философию хозяйства» как философию трансцендентного и оттеняли момент *смещения* трансцендентного и имманентного. Как форма имманентной философии она сочится жизнью, она — философия живого не по названию и видимости. В ней — голос жизни, в ней пучки самых насущных проблем. Помимо глубины и юношеского пафоса, «Философия хозяйства» отличается от любой философии жизни — хозяйственным тоном, трактованием вопросов с социологической точки зрения. Это не угловатый и непосредственно-грубый экономический материализм и не мягкое, облагороженное настроение о родстве всего. В «Философии хозяйства» — претворение отвлеченного начала, как элемента в метафизическом целом, в мировом теле: экономический материализм преодолевается, одухотворяясь в религиозном материализме.

Религиозное жизнепонимание не разряжается в тихих блестящих настроениях одинокой личности. Оно не разбивается о мертвую природу. Личность неодинакова. Природа — живой друг. Жизнь — не тень мысли, а мировое содружество, мирное хозяйство.

И пережив это родство, ощутив эту мировую ласку — отшатнешься от «трансцендентально-логических сплетений» как мертвящих, от одинокого гносеологического субъекта как вечного покойника.

Такое бодрящее настроение пробуждают многие страницы «Философии хозяйства», как своеобразно-глубокой думы о мире и человеке.

* Опыт построения философской системы на понятии хозяйства // Вопросы филос<офии> и псих<ологии>. 1912. Ноябрь—декабрь.